

ПОРТНОЙ ПЕПКА—ШЬЕТЪ КРѢПКО.

Сказка Ив. Пуни.

Съ рисунками Ксеніи Богуславской.

Въ одномъ городѣ жилъ-былъ портняжный подмастерье Пепка.

Носъ у него былъ пуговицей, на затылкѣ хохоль, а самъ маленькій да кругленькій.

И по всему городу славился тѣмъ, что замѣчательно крѣпко шилъ.

Ужъ если пуговицу пришьетъ, такъ скорѣй все платье развалится, чѣмъ пуговица отско-
чить.

А только при-
шьетъ-то онъ ее
всегда не туда,
куда надо.

Но такъ какъ
городъ былъ очень малень-
кій, и другихъ портныхъ
не было, то приходи-
лось всѣмъ горожа-
намъ щеголять въ
Пепкиныхъ костю-
махъ.

Ходятъ по го-
роду въ каф-
танахъ, сши-
тыхъ криво и
косо: у кого
три рукава, у
кого совсѣмъ
ни одного.
Или карманъ,
напримѣръ,

на спинѣ придрѣланъ, а пуговицы по
всему животу разсыпаны, пришиты
какъ медали какія-нибудь.

Но вотъ собрался однажды Город-
ской Голова праздникъ устраивать, и
велѣлъ онъ къ себѣ Пепку позвать.

Стоитъ Пепка въ передней, а Го-
лова въ кабинетѣ сидитъ, говоритъ, а
зъ дверяхъ секретарь его слова Пепкѣ
передаетъ.

Потому что Городской Голова былъ

слишкомъ важенъ, чтобы самому съ
Пепкой разговаривать.

— Портняжный подмастерье Пеп-
ка!—говоритъ Голова.

— ... подмастерье Пепка! — повто-
ряетъ секретарь.

— Знаешь ли ты, что завтра за-
втрадникъ?

— ... знаешь или нѣтъ?—повторилъ
секретарь и ущипнулъ Пепку
за ухо.

— Да завтра будни!—го-
воритъ Пепка.

— Нѣтъ, праздникъ!—
сказалъ Голова и хлоп-
нулъ ладонью по столу
такъ, что все на полъ по-
сыпалось.

... Сошьешь ты мнѣ
кафтанъ!—кричитъ Го-
лова.

— ... кафтанъ!—
визжитъ секре-
тарь.

— А теперь
убирайся
вонъ!!

— ... а те-
перь провали-
вай! — вто-
рилъ секре-
тарь и пих-
нулъ Пепку

такъ, что онъ кубаремъ покатился съ
лѣстницы.

Докатился до дому и сейчасъ же
за работу принялся. Шьетъ, кроитъ,
ножницы стучатъ, самъ сопитъ. Цѣлые
сутки шилъ, наконецъ сшилъ кафтанъ,
въ узелъ завязалъ, понесъ къ Головѣ.

Какъ только надѣлъ его Голова,
къ зеркалу подошелъ, такъ и ахнулъ—
пуговицы всѣ на боку, воротникъ кри-
вой, фалды не на мѣстѣ: никуда каф-

танъ не годится. Прямо какой-то мѣшокъ для картофеля

Наскочилъ тогда Голова на Пепку и кричить:

— Ахъ ты, ничтожный портняжка! Такъ-то ты смѣешься надъ самымъ умнымъ человѣкомъ въ городѣ!!

И далъ ему такого пинка, что Пепка сразу взлетѣлъ на воздухъ—высоко-высоко... А когда Пепка поравнялся съ трубой, то его подхватило вѣтромъ и понесло прямо надъ городомъ.

Все изъ кармановъ попадало, ножницы, свистулька, и даже кепка съ головы упала, а вѣтромъ его все несетъ и несетъ.

А слѣдомъ за Пепкой уличные мальчишки бѣгутъ и кричатъ:

— Смотрите, смотрите — бонъ Пепка-портной летитъ!

Но догнать его никакъ не могутъ.

Между тѣмъ Пепка пролетѣлъ уже надъ королевской площадью, перелетѣлъ черезъ рѣку, промелькнулъ подъ нимъ городской садъ, и понесся онъ за городъ все дальше и дальше...

И такъ летѣлъ, пока вѣтеръ дулъ, летѣлъ страшно долго и прилетѣлъ прямо въ Турцію.

И тутъ вдругъ вѣтеръ пересталъ дуть, и Пепка шлепнулся прямо на землю, чуть на крышу табачной лавочки не угодилъ.

Видитъ: сидитъ Турка, курить трубку.

Съ потолка прямо предъ нимъ чайникъ на веревкѣ виситъ, а къ самому

носу приставлена длиннѣйшая сладкая вафля съ обсуленнымъ концомъ.

Это для того, чтобы Турка могъ безъ всякаго безпокойства кушать: только ротъ развѣвай да соси вафлю.

Однимъ словомъ, это былъ совсѣмъ такой Турка, какихъ рисуютъ на табачныхъ коробкахъ,—ну точь въ точь!

Сидитъ передъ нимъ Пепка, смотреть и думать:

„Вотъ чудакъ, даже не удивляется что къ нему прямо съ неба портняжный подмастерье упалъ“.

— Если ты... — сказалъ Турка, медленно ворочая языкомъ, — ...думаешь, что я нарисованный, то... — и онъ поднялъ палецъ... — ты ошибаешься.

Я... — продолжалъ онъ, — расскажу тебѣ исторію, которую я совершенно забылъ, почти забылъ...

„Терпѣть не могу исторій“, — подумалъ Пепка и оглянулся:

нельзя ли куда-нибудь удрать.

... Эта исторія, — сказалъ Турка, — ...промышь, которая притворялась аптекаремъ... У нея... — тутъ онъ задумался, — былъ очень блѣдный цвѣтъ лица... Впрочемъ, я совершенно забылъ эту исторію. Не помню, что случилось дальше. Только это очень интересная исторія.

— Ахъ, какъ жалко! — сказалъ Пепка изъ вѣжливости. — Такъ и неизвѣстно, что случилось дальше?

— ... Но, можетъ-быть, не стоить ее рассказывать, разъ я ее забылъ? —

сказалъ Турка и вдругъ заплакалъ, и слезы потекли прямо на вафлю, такъ, что вафля совсѣмъ размокла.

— Что жъ ты плачешь? — сказалъ Пепка, ну забылъ, такъ забылъ! — Расскажи другую какую-нибудь исторію.

— Не въ томъ дѣло... — пробормоталъ Турка, захлебываясь отъ слезъ, — другой-то исторіи я никакой не знаю...

И приснулъ слезами такъ, что Пепка вдругъ вымокъ съ ногъ до головы.

И плакалъ такъ долго, что Пепка заснулъ подъ шумъ и бульканье слезъ, падавшихъ на полъ.

На другой день проснулся и видитъ, что слезы уже на полу просохли.

А Турка сидитъ, весь кругомъ всякими сладостями обставленный: шепталой, пастилой, винными ягодами, мармеладомъ...

Это все такъ Пепкѣ понравилось, что онъ рѣшилъ остаться съ Туркой жить.

Живутъ да поживаютъ и все сладости ѣдятъ.

Турка цѣлыми днями разныя исторіи рассказываетъ, только ни одной кончить не можетъ: то заснетъ посрединѣ, то конецъ позабудетъ.

А Пепка ему, — какъ одна вафля кончится, другую къ носу приставляетъ.

Разъ въ мѣсяць они Туркины именины справляли. Потому что у него было очень много именъ, его звали:

— А-га-бдул-ба-ба-ку-дак-а... И много-много еще, такъ много, что онъ самъ не помнилъ, какъ дальше.

Впрочемъ, это не удивительно, потому что онъ всегда забывалъ конецъ всякой исторіи.

Въ день именинъ устраивался замѣчательный пиръ: кушали вафли, изюмъ, коринку, рахатъ-лукумъ, нугу и разныя разныя сладости.

Пекли сладкія бабы съ ромомъ и съ изюмомъ. И кушали все это ровно 29 дней, какъ разъ до слѣдующихъ именинъ

И такъ Турка много ѣлъ, что прямо на него не напасть было.

Сидитъ цѣлый день и кушаетъ.

Такъ что скоро во всей Турціи почти сладостей не осталось.

Все поѣлъ.

А вѣдь извѣстно, что турки питаются исключительно сладкимъ.

И вотъ турки всѣ безпokoились. Другъ къ дружкѣ забѣгали. Шумятъ, галдятъ, не знаютъ, что и дѣлать.

Какъ Турку заставить поменьше кушать?

Вѣдь этакъ скоро никакихъ запасовъ не хватитъ, придется всѣмъ туркамъ съ голоду поумирать.

Думали, думали, ничего придумать не могли. Наконецъ отправили самаго важнаго и самаго толстаго турка къ Пепкѣ помощи просить.

А Пепкѣ къ тому времени тоже ужасно надоѣло Турку вафлями кормить, потому что на его долю тоже оставалось не много.

И вотъ, когда Турка заснулъ, Пепка взялъ да ему ротъ потихоньку и зашилъ: маленькую-маленькую дырочку оставилъ.

И съ тѣхъ поръ сталъ Турка го-о-ораздо меньше кушать.

За это время опять повзросли всякія сласти, шептала и карамельки, и теперь уже всѣмъ хватало, и всѣ были довольны.

Даже самъ султанъ Пепку благодарилъ, только Пепка ничего не понималъ, потому что султанъ при этомъ говорилъ по-турецки.

А потомъ Пепка открылъ въ Турціи портняжную мастерскую и вывѣску вывѣсилъ:

— Портной Пепка — шьетъ крѣпко.

А кто не вѣрилъ, могъ приходить и Туркинъ ротъ смотрѣть — крѣпко ли?

И всѣ турки у него стали платье себѣ шить, вотъ съ тѣхъ-то поръ въ Турціи костюмы такіе и странные — это все Пепкина мода.